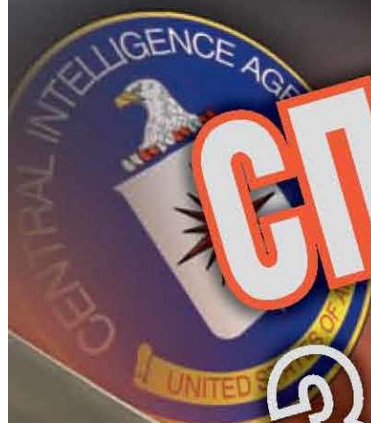

Леонид МЛЕЧИН

ВСПОМНИТЬ ВСЁ

СПЕЦОПЕРАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ПОХИЩЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ
КГБ, ЦРУ, МОССАД...

Вспомнить всё

Леонид Млечин

**Спецоперации за границей.
Похищения и ликвидации.
КГБ, ЦРУ, Моссад...**

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2019

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)6

Млечин Л. М.

Спецоперации за границей. Похищения и ликвидации. КГБ, ЦРУ, Моссад... / Л. М. Млечин — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019 — (Вспомнить всё)

ISBN 978-5-6042364-0-6

Громкие истории последнего времени заставили заговорить о том, что специальные службы вновь приводят в исполнение смертные приговоры, вынесенные врагам государства. Боевые операции за границей представляют особую сложность. И за редким исключением их не удастся сохранить в тайне. Спецслужбы всегда обещают устроить заковыристое дельце без шума и пыли, но, как правило, возникают громкие межгосударственные скандалы. Впрочем, некоторые истории и по прошествии времени все еще остаются загадкой...

УДК 94(100)"654"

ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-6042364-0-6

© Млечин Л. М., 2019

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
Загадка судьбы генерала Кутепова	8
Седьмой пункт	16
«Шуму наделали, а мост не взорвали»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Леонид Млечин
Спецоперации за границей. Похищения
и ликвидации. КГБ, ЦРУ, Моссад...

© Млечин Л.М., 2019

© АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2019

От автора

Громкие истории последнего времени заставили заговорить о том, что специальные службы – после длительного перерыва – вновь приводят в исполнение смертные приговоры, вынесенные врагам государства.

Боевые операции за границей, или, как выражались прежде, за кордоном, представляют особую сложность. И за редким исключением их не удастся сохранить в тайне. Спецслужбы всегда обещают устроить заковыристое дельце без шума и пыли, но, как правило, возникают громкие межгосударственные скандалы. Впрочем, некоторые истории и по прошествии времени все еще остаются загадкой, и мы можем лишь догадываться и предполагать...

Как все это начиналось?

Из всех руководителей госбезопасности Вячеслав Рудольфович Менжинский кажется самой незаметной фигурой, хотя он руководил Объединенным государственным политическим управлением (так именовалось тогда ведомство госбезопасности) с 1926 по 1934 год, восемь лет, – дольше, чем его наследники Генрих Григорьевич Ягода и Николай Иванович Ежов, вместе взятые.

Наверное, все дело в том, что Менжинский резко выделялся среди своих коллег. Мягкий по характеру, приятный, обходительный, скромный, бескорыстный, интеллигентный человек – таков его образ, утвердившийся в истории.

Высокообразованный, преданный делу большевик Вячеслав Рудольфович Менжинский был тяжело болен, много времени проводил на даче, где разводил цветы и возился в химической лаборатории. Не имея, таким образом, возможности лично вникать во множество дел, он был вынужден довольствоваться информацией, поступающей к нему от его первого заместителя – Генриха Ягоды, которому вполне доверял.

Однако рассказы о том, что за него все делал Ягода, – миф. Именно Менжинский занимался ликвидацией кулачества как класса, что означало уничтожение русского крестьянства. Именно Менжинский подготовил первые московские судебные процессы над «врагами народа», которые потрясли страну и мир. Именно Менжинский отправлял боевые группы за границу для уничтожения противников советской власти – иногда самым жестоким образом.

Менжинский и разработал те методы, которыми в полной мере воспользуются его преемники. Он был гораздо умнее их и придумал то, на что сами они, лишь следовавшие предначертанным им путем, были бы не способны.

Почему в двадцатые и тридцатые годы советская разведка была самой сильной в мире? Первое поколение разведчиков состояло из людей, родившихся за границей или вынужденно проживших там много лет: они чувствовали себя за рубежом как дома. Двадцатые и тридцатые годы были временем, когда в разведку шли ради острых ощущений, убегая от серых и пустых будней. Было их совсем немного, но они добились невероятных успехов. Это был мир странных, незаурядных, неординарных людей. Романтики, которые запросто убивали недавних коллег, находя успокоение в мыслях о том, что они служат великому делу.

Три критерия определяют качество разведывательной информации – секретность, достоверность и актуальность.

Поток поступающей в Центр разведывательной информации был огромным. Недостатком ее было нежелание резидентур сообщать то, что могло вызвать недовольство Центра. Поэтому картина происходящего в мире искажалась.

Агенты писали то, что хотели видеть курирующие их офицеры. Офицеры, добывающие информацию, в свою очередь, учитывали пожелания резидента. А тот ориентировался на настроения начальства.

Не разведывательная информация была исходным материалом для анализа политических процессов, а собственные представления вождя о мироустройстве. От разведки же требовалось подтвердить правоту его выводов.

Нелегальная работа потому так нравилась начальству, что ему хотелось, чтобы подчиненные не только собирали и анализировали информацию, но и наносили ощутимые удары по врагу. Тайные операции высоко ценились. Способность вести подрывные операции на чужой территории рождает иллюзию сохранения великой державы и компенсирует упадок экономической мощи страны.

Часть первая

Враги и перебежчики вне закона

Загадка судьбы генерала Кутепова

25 января 1930 года проживавшему в Париже русскому эмигранту принесли короткую записку с предложением о встрече. Записка была прочитана и тут же уничтожена. Получивший ее после минутного размышления согласно кивнул, и принеся записку покинул небольшую квартиру на четвертом этаже старого дома № 26 по узкой и мрачноватой улице Русселе, избежав встречи с кем-либо из домочадцев. Для этого не требовалось особого умения. Хозяин дома не посвящал в свои дела даже самых близких людей. Жене полагалось знать только то, что муж считал нужным говорить сам.

В апреле 1924 года они сняли эту меблированную квартиру и прожили здесь шесть лет. Скромная прихожая – из нее дверь в столовую, где хозяин принимал посетителей. Небольшой кабинет. Рядом спальня.

На следующий год после переселения на улицу Русселе, 27 февраля 1925 года, у обитателей квартиры родился сын Павел, украсив их новую жизнь. Неведомо им было, какая драматическая судьба уготована мальчику, носившему громкую и многими ненавидимую фамилию...

Все эти годы вместе с семьей жил денщик. Впрочем, денщиков, конечно же, хозяину дома не полагалось. Более не существовало и армии, где он когда-то дослужился до генеральских эполет. Но сам хозяин, вынужденно сняв форму, продолжал числить себя на военной службе и вел собственную войну с теми, кого считал своими злейшими врагами и погубителями родины.

Как бы то ни было, денщик Федоров предпочел остаться с генералом и выполнял обязанности уборщицы, кухарки и состоял нянкой при маленьком Павле – словом, был прислугой во всем. Только от роли швейцара он был избавлен. Дверь открывал сам генерал. Не хотел, чтобы кто-нибудь видел его частых посетителей. И, когда к нему кто-то приходил, жене запрещалось вмешиваться в беседу.

Воров и грабителей хозяин, как человек военный, не боялся. Но у него, конечно же, были опасные враги, поэтому его соратники – бывшие русские офицеры, осевшие в Париже, – пытались охранять своего командира, генерала от инфантерии Александра Павловича Кутепова, который возглавлял Русский общевоинский союз (РОВС), объединивший остатки белой армии, покинувшей родину.

Офицеры, работавшие в Париже таксистами, по очереди возили и охраняли своего генерала. Его возили, сменяясь, тридцать три водителя такси – по одному человеку на каждый день месяца, двое-трое в резерве. Но это не была постоянная, круглосуточная охрана. Офицеры сопровождали генерала в тех случаях, когда следовало ожидать неприятностей. Профессиональных телохранителей, которые бы постоянно окружали главу русской военной эмиграции, ему не полагалось.

Записка, полученная генералом 25 января 1930 года, не сулила никаких неприятностей. Намеченная на воскресенье встреча даже не нарушила установленный им распорядок дня. В одиннадцать часов утра он обещался быть на панихиде по умершему генералу от кавалерии Александру Васильевичу Каульбарсу в церкви Галлиполийского собрания на улице Мадемуазель, 81. Генерал Каульбарс, один из создателей русской авиации и одновременно исследователь Китая, ушел из жизни в преклонном возрасте.

Кутепов не мог с ним не попрощаться. К обеду он просил ждать себя к половине первого. А после обеда Александр Павлович собирался поехать с женой и сыном за город, чтобы осмотреть дачу, которую они предполагали снять.

Педантичный, скрупулезно точный, никогда не опаздывавший Кутепов вышел из дома ровно в половине одиннадцатого. Идти ему предстояло не больше двадцати минут. Выйти на улицу Севр, пересечь бульвар Инвалидов и пройти по улице Лекурб.

Короткая встреча, на которую его пригласили накануне, была назначена на трамвайной остановке на улице Севр. Кутепов появился на остановке точно в срок. Но назначивший ему встречу не явился. Больше пятнадцати минут Кутепов не мог позволить себе ждать. По улице Удино пошел в сторону бульвара Инвалидов. Погруженный в свои мысли, ничего не замечал. Ни две странно замершие в неудобном для стоянки месте легковые машины с пассажирами, ни полицейского, который прежде здесь никогда не дежурил.

А ведь Кутепов ходил по этой дороге в церковь каждое воскресенье и мог бы обратить внимание на странно напряженного полицейского, не походившего на вальяжных парижских ажанов. Впрочем, в предшествовавшие этому воскресенью дни полицейский несколько раз появлялся на перекрестке, и местные жители, приятно обрадованные заботой префектуры, уже успели к нему привыкнуть. Когда Кутепов поравнялся с одной из легковых машин, два человека остановили генерала.

Когда на Лубянке в 1989 году сотрудники советской разведки рассказывали мне, как проводилась тогда операция в Париже, то излагали такую версию: сотрудники оперативной группы представились полицейскими и попросили генерала проехать вместе с ними в префектуру.

Кутепову, верно, показалось странным, что полиция приглашает его таким странным образом, тем более в воскресенье. Русский общевойсковой союз старался поддерживать наилучшие отношения с префектурой полиции, но для французов, сознавал Кутепов, русские офицеры оставались нежелательными иностранцами. Советские дипломаты не упускали случая выговорить французам за то, что они предоставляют убежище враждебным для СССР организациям. Эмиграция – источник постоянных неприятностей. Да и среди самих эмигрантов то и дело возникали какие-то скандалы. Парижским полицейским приходилось мириться с их присутствием, но симпатии к русским они не испытывали.

Секунду Кутепов колебался. Но фигура полицейского в форме снимала все сомнения. Дверца была предусмотрительно распахнута, Кутепов уселся на заднее сиденье, и автомобиль рванул с места. Генерал не оглянулся и потому не увидел, что полицейский столь же стремительно покинул свой пост. Он уселся во вторую машину, которая устремилась вслед за первой.

На самом деле не представляется возможным установить, как именно был похищен Кутепов. То ли его и в самом деле обманном образом уговорили сесть в машину, то ли захихнули в кабину силой... Так или иначе, операция прошла успешно. Глава русской военной эмиграции был похищен в самом центре Парижа, и никто этому не помешал.

Много десятилетий спустя на этой самой улице я снимал документальный фильм, посвященный похищению генерала Кутепова и другим драматическим событиям, о которых пойдет речь в этой книге.

Не успела наша группа закончить съемки, как примчался полицейский микроавтобус, вызванный, надо полагать, кем-то из подозрительных соседей. Из машины вышел не один полицейский и не два, а пять человек с автоматами в руках. Все было очень серьезно. Они окружили нас и потребовали отчета, кто мы и что здесь делаем. После долгих объяснений они осмотрели снятые нами кадры, успокоились и уехали. А я подумал, что, если бы в тот январский день 1930 года местные жители проявили такую же бдительность, судьба героев этой книги сложилась бы иначе...

В церкви Александра Павловича напрасно ожидал председатель главного правления Общества галлиполийцев генерал-лейтенант Михаил Иванович Репьев. Первую мировую он

закончил командующим армейским корпусом, в Добровольческой армии – инспектор артиллерии у Кутепова. Образованное 22 ноября 1921 года Общество галлиполийцев входило в состав РОВС. Репьев крайне удивился тому, что Кутепов так и не появился.

В три часа дня семья подняла тревогу. Выяснилось, что Александра Павловича нет ни в Галлиполийском собрании, ни у знакомых. Лидия Давыдовна Кутепова была в отчаянии: что случилось с мужем? Пришли знакомые. Среди них были знаменитая певица Надежда Васильевна Плевицкая, прославившаяся исполнением русских народных песен, и ее муж – бывший командир Корниловской дивизии генерал Николай Владимирович Скоблин. Все первые дни после похищения Надежда Васильевна старалась быть рядом, чтобы поддержать Лидию Давыдовну. Просто не оставляла ее одну.

Пройдут годы, и, когда станет известно, что Плевицкая помогала советской разведке, придут к выводу, что в те январские дни 1930 года она лицемерила. Но это глубоко несправедливо. В январские дни 1930 года Плевицкая искренне сочувствовала горю Лидии Давыдовны. На советскую разведку они со Скоблиным еще не работали...

Лидия Давыдовна Кутепова обратилась в полицию. Появился полицейский инспектор. Поздно вечером начались поиски. Арсений Александрович Зайцов, в прошлом полковник лейб-гвардии Семеновского полка, а тогда помощник Кутепова, вместе с полицейским объездил парижские госпитали и морги, проверяя, не стал ли генерал жертвой несчастного случая.

Полиция также пожелала убедиться в том, что Александр Павлович не вознамерился куда-то внезапно уехать. Его фотографии разослали во все полицейские управления и пункты пограничного контроля.

Не решил ли генерал сам тайно отправиться в Советскую Россию? Полицейским объясняли: если бы Кутепов уехал, об этом обязательно знали бы его жена и ближайшие помощники. 28 января жена Кутепова подала жалобу прокурору республики: она категорически отвергала возможность бегства мужа или его самоубийства. Только после этого началось полноценное расследование.

Александр Павлович был одним из самых заметных русских в Париже. К поискам присоединилось множество добровольцев. Среди эмигрантов царил переполох. Никто не мог понять, куда исчез генерал Кутепов. Он словно испарился...

1 февраля 1930 года поэтесса Марина Ивановна Цветаева написала своей подруге из Парижа: «А у нас украли Кутепова. По мне – убили». Не зря поэтов называют провидцами. Она оказалась права...

Парижские газеты возмущались преступлением, совершенным на французской земле. Требовали тщательного расследования. Напоминали, что Кутепов – друг Франции, председатель союза бывших русских фронтовиков, в Первую мировую воевал вместе с французской армией против общего врага. Об исчезновении Кутепова доложили главе правительства Андре Тардье, находившемуся в тот момент в Лондоне. Сам участник Первой мировой, он распорядился искать русского генерала.

Во Франции было достаточно спецслужб и правоохранительных органов, которые должны были заняться расследованием. Прямая обязанность раскрыть похищение лежала на префектуре полиции. Мобилизовали четыреста агентов сыскной полиции под руководством комиссара по особым делам со смешной для русского человека фамилией Фо-Па-Биде.

В Первую мировую в составе французской миссии капитан Шарль Фо-Па-Биде был командирован в Россию, где 8 сентября 1918 года его арестовали по обвинению в шпионаже. Его допрашивал сам председатель Реввоенсовета Республики Лев Давидович Троцкий. И вот почему. Выяснилось, что в 1916 году именно комиссар Фо-Па-Биде принял решение выставить русского эмигранта Троцкого из Парижа за антивоенную агитацию.

«Биде-Фопа был душой слезки и высылки, – писал Троцкий. – От своих коллег Биде отличался необыкновенной грубостью и злобностью. Он пытался разговаривать со мною

тоном, какого никогда не позволяли себе царские жандармские офицеры. Наши беседы всегда заканчивались взрывом. Уходя от него, я чувствовал за спиной ненавидящий взгляд...

Меньше чем через два года судьбе угодно было доставить мне за счет г. Биде совершенно неожиданное удовлетворение. Летом 1918 г. мне сообщили по телефону, что Биде, громовеержец Биде, заключен в одну из советских тюрем. Я не хотел верить своим ушам. Оказалось, что правительство Франции отправило его в составе военной миссии для розыскных и заговорщических дел в Советской России. А он имел неосторожность попасться».

Когда Шарля Фо-Па-Биде привели в Наркомат по военным и морским делам, Троцкий сразу и не признал его. Громовеержец превратился в простого смертного, причем опустившегося. Всесильный нарком смотрел на него с недоумением.

– Да, господин, – сказал французский полицейский, склоняя голову, – это я.

– Господин Биде, вы не были со мной очень вежливы в Париже, – напомнил ему Троцкий.

– Увы, я должен это с грустью признать, господин народный комиссар. Я часто об этом думал в моей камере. Человеку иногда полезно, – прибавил Биде многозначительно, – познакомиться с тюрьмой изнутри. Но я надеюсь, что мое парижское поведение не будет иметь для меня печальных последствий.

Троцкий успокоил его.

– Вернувшись в Париж, – заверил Биде советского наркома, – я не буду заниматься тем, чем я занимался.

– Неужели, господин Биде?..

В январе 1919 года комиссара Фо-Па-Биде и других французов обменяли на русских солдат, остававшихся во Франции. Он вернулся на родину. Служил в префектуре полиции. Среди прочего занимался русскими эмигрантами. Однако же расследование оказалось ему не под силу. Кутепова украли не обычные уголовные преступники, над которыми полиция рано или поздно берет верх. Это была операция, проведенная самой мощной в ту пору спецслужбой.

На пятый день появился первый свидетель. Уборщик клиники Святого Иоанна, принадлежавшей католическим монахам, в то утро вытряхивал ковер из окна и видел сцену похищения:

«На улицу Русселе свернул с улицы Удино, идя со стороны бульвара Инвалидов, господин средних лет в черном пальто и черной мягкой шляпе. Он был среднего роста, и я ясно видел его черные усы и небольшую черную бородку. Когда господин поравнялся с серо-зеленым автомобилем, стоявшим у тротуара рядом с клиникой, два здоровенных человека в желтых пальто, стоявшие рядом с машиной, подошли к нему и повели с ним какой-то спор. Один из них схватил его за левую руку, другой за правую. Борьба была короткой. Нападавшие силой втолкнули бородатого господина в автомобиль.

Неподалеку, на самой улице Удино стояло красное такси. А рядом – полицейский в форме. Полицейский подошел к автомобилю, и, когда господина втолкнули в машину и поместились в ней оба нападавшие, он, оглянувшись по сторонам, также вскочил в автомобиль и сел рядом с шофером. В ту же секунду автомобиль двинулся с места, завернув за угол, на улицу Удино. Следом за ним умчалось и красное такси».

Еще один свидетель вроде бы обратил внимание на борьбу внутри серо-зеленого автомобиля. Поскольку там присутствовал полицейский, то подумал, что задерживают опасного преступника, и успокоился...

На мосту Альма обе машины похитителей попали в затор. Одна женщина уверяла, что видела, как в серо-зеленом автомобиле пассажир закрывает другому лицо платком. Когда полицейский выскочил из машины, чтобы расчистить дорогу, женщина поинтересовалась, что приключилось с пассажиром. Полицейский объяснил: в кабине человек, попавший в аварию, ему дают эфир, чтобы облегчить страдания.

Следователи нашли магазин, где был взят напрокат костюм полицейского, а квитанция оформлена на имя несуществующего человека. Не оставалось сомнений в том, что генерала похитили. И, возможно, убили.

Тем временем советская печать дала отповедь империалистическим клеветникам, утверждавшим, будто Кутепова похитили и убили агенты Москвы.

3 февраля 1930 года «Известия» посвятили половину первой полосы истории с генералом. Статья появилась без подписи, это означало, что она писалась и редактировалась на самом верху:

«Эта нелепая история в излюбленном, бульварном, детективном жанре, специально инсценирована с провокационной целью. «Таинственное исчезновение» Кутепова послужило сигналом для неслыханной по разнузданности кампании, направленной против СССР и советского полпредства. «Исчезновение» Кутепова изображается как дело рук «Чека», агенты которой якобы «похитили» Кутепова среди бела дня на улицах Парижа».

Иначе говоря, похищение инсценировали с одной целью – оклеветать Советскую Россию. «Известия» пригрозили французскому правительству.

«Продолжение французским правительством его тактики пассивности и потворства и косвенного поощрения хулиганской кампании науськивания на дипломатическое представительство Советского Союза, – говорилось в статье, – невольно создает впечатление, что правительство поддается на провокацию русской белогвардейщины и следует ее указке...»

Мы вынуждены со всей серьезностью поставить перед правительством вопрос: предпочитает ли французское правительство сохранению дипломатических отношений с правительством Советского Союза сотрудничество с белогвардейской эмиграцией? Совершенно очевидно, что нормальные дипломатические отношения несовместимы с такими фактами».

Одобренная идеологическим начальством на Старой площади основная версия не исключала инициативы снизу, поэтому уже мертвый генерал Кутепов изображался советской прессой в самом неприглядном свете. Собственный корреспондент «Известий» в Амстердаме со ссылкой на «достоверные сведения» сообщал: «Виновниками «исчезновения» Кутепова являются сами белогвардейцы. Есть прямые данные, указывающие на то, что Кутепов выехал незаметно в одну из республик Южной Америки, взяв с собой солидную денежную сумму».

Расследование обстоятельств загадочного исчезновения Кутепова ничем не окончилось. Французская полиция вела расследование без особого рвения. Эмиграция была уверена, что это дело рук советских чекистов. Но эмиграция была бессильна.

Генералу Евгению Карловичу Миллеру, который стал преемником Кутепова на посту председателя Русского общевойскового союза, оставалось только объяснять парижским журналистам:

– Гипотеза о бегстве Александра Павловича безусловно исключается. Недавно женившийся и имеющий горячо им любимого сына, генерал Кутепов всегда был образцовым мужем и отцом. С другой стороны, вообще не существовало каких-либо причин, которые могли бы подвигнуть Кутепова на бегство. Остается гипотеза о похищении генерала...

Четверть века спустя генерал Павел Николаевич Шатилов, бывший начальник штаба врангелевской армии, осевший в Париже, писал:

«Во время оккупации Парижа германской армией и занятия здания советского посольства в подвале посольства была обнаружена печь, напоминающая крематорий, в которой можно было, по мнению некоторых лиц, сжигать человеческие трупы. Это вызвало предположение, что Александр Павлович после усыпления хлороформом в автомобиле был доставлен на улицу Гренель, 79, и сожжен в этой печи. Но доказательств этого предположения не было никаких».

В эту версию мало кто поверил. В ходу была и другая: председателя РОВС сразу же убили или он умер сам. Профессор Иван Алексинский, у которого генерал лечился, рассказал, что «вследствие ранений в грудь во время войны Кутепов не мог выдержать действие наркотиков».

Если ему в момент похищения дали эфир или хлороформ, оба препарата могли оказаться для него смертельными.

Так как же закончил свой земной путь председатель РОВС?

В 1989 году я писал о Скоблине и Плевицкой. Представители КГБ СССР – с санкции председателя комитета Владимира Александровича Крючкова – дали мне возможность прочитать их личные дела.

Я спросил тогда и о судьбе генерала Кутепова.

Сотрудники КГБ передали мне справку, которую я могу процитировать полностью:

«Не вызывая никаких подозрений, обе машины после дополнительной проверки на предмет выявления возможного «хвоста» через некоторое время выехали на шоссе, ведущее в Марсель.

В Марселе Кутепов был передан группе чекистов из числа советских моряков, которые обеспечили его «посадку» на советский пароход под видом хорошо загулявшего на берегу старшего механика машинного отделения. Когда на пароходе Кутепов пришел в себя и до него дошло, где он находится, он впал в состояние глубокой депрессии, отказывался от еды, не отвечал на задаваемые вопросы.

Только после выхода парохода из греческого порта Пирей и особенно по мере приближения к проливу Дарданеллы и Галлиполийскому полуострову в Турции, где в начале 20-х годов был размещен в лагерях 1-й армейский корпус под его командованием, он стал проявлять признаки беспокойства. Кутепов понял, что от расплаты за преступления против народа, за жестокость, потоки пролитой им крови, виселицы, акты вандализма ему не уйти. Состояние его здоровья резко ухудшилось.

Скончался генерал Кутепов примерно в ста милях от Новороссийска от сердечного приступа, избежав таким образом ответственности за совершенные им преступления».

Документов, относящихся к смерти Кутепова, я не видел. Теоретически в архиве должно храниться дело о похищении председателя РОВС. Содержит ли оно ответ на вопрос о том, как именно генерал ушел из жизни, – это другой вопрос.

Отчеты о «специальных мероприятиях» руководители внешней разведки писали от руки. В одном экземпляре – для самого высшего начальника. Копии в секретариате ведомства госбезопасности не оставлялись. Даже собственным коллегам знать, что и как сделано, не полагалось. Но в любом случае ни один документ, имеющий отношение к этой истории, не рассекречен. Так что неизвестно, узнаем ли мы когда-нибудь о последних днях генерала.

К делам, которые я читал на Лубянке, были приложены справки, относящиеся к сыну генерала Павлу Александровичу Кутепову. Он остался без отца, когда ему было всего пять лет. И всегда верил, что отец жив и живет где-то в СССР! Мечтал его найти. Из Франции они с матерью переехали в Югославию. Жили на деньги, собранные эмиграцией. Павел Кутепов учился в русском кадетском корпусе. В 1944 году, когда пришла Красная армия, отдал себя в распоряжение советских властей. Молодого человека посадили на десять лет. Когда он освободился, наступили новые времена. Ему позволили работать переводчиком в издательском отделе Московской патриархии.

Лидия Давыдовна Кутепова ничего не знала не только о судьбе мужа, но и сына. Оставшись одна, без горячо любимого мужа и единственного сына, она вернулась в Париж, где умерла в 1954 году.

Ныне считается, что похищение Кутепова провела Особая оперативная группа ведомства госбезопасности Якова Серебрянского.

Председатель ОГПУ Менжинский, имевший пристрастие к боевым операциям за границей, создал Особую группу как самостоятельное и независимое от Иностранного отдела (внешней разведки) подразделение. Подчинил ее самому себе. Возглавил группу Серебрянский, человек авантюрного склада.

Яков Исаакович Серебрянский родился 9 декабря 1892 года в Минске. Юношей присоединился к эсерам-максималистам. В 1909 году его арестовали за участие в убийстве начальника минской тюрьмы. Серебрянскому было шестнадцать лет. Отделался высылкой, в 1912 году был призван в царскую армию. В Первую мировую служил в 105-м Оренбургском полку, сражавшемся в Восточной Пруссии.

Революцию он встретил в Баку. Женился на сестре товарища по партии. После падения Бакинской коммуны уехал в соседнюю Персию – вместе с женой и ее родителями. Семья искала спасения от хаоса Гражданской войны. Там он познакомился с молодым чекистом Яковом Григорьевичем Блюмкиным, который через несколько лет рекомендует его на работу в ведомство госбезопасности.

Серебрянского взяли особоуполномоченным закордонной части Иностранного отдела и командировали на нелегальную работу в Палестину. Яков Серебрянский пробыл в Палестине два года. Революция в Палестине, которая казалась сонным и неразвитым местечком, была отложена до лучших времен, вернее, до появления там достаточного количества «революционного материала».

Начальство осталось им довольно. В 1925 году его перевели в Бельгию. В начале 1927 года вернули в Москву. В апреле 1929 года он возглавил 1-е отделение (нелегальная разведка) Иностранного отдела. И одновременно – Особую группу. Главная задача – ликвидация врагов за границей.

Менжинский доложил политбюро, что операция увенчалась успехом, похищение и уничтожение генерала Кутепова серьезно ослабило военную эмиграцию. Менжинский просил политбюро отметить участников операции в Париже орденами и именным оружием. Серебрянского в марте 1930 года наградили орденом Красного Знамени.

13 июня 1934 года – после создания Наркомата внутренних дел – его группу подчинили непосредственно наркомату. Теперь она называлась Специальной группой особого назначения. 29 ноября 1935 года Серебрянскому присвоили высокое звание старшего майора госбезопасности. 31 декабря 1936 года он получил редкий тогда орден Ленина – «за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией».

Группа Серебрянского состояла в общей сложности из двадцати оперативников и шестидесяти нелегалов. Вместе с Серебрянским в операции «Заморские» – так в служебной переписке именовалось похищение Кутепова в Париже – участвовал Сергей Васильевич Пузицкий из контрразведывательного отдела, тоже заметная фигура на Лубянке.

Пузицкий учился на юридическом факультете Московского университета и после революции начинал следователем Ревтрибунала. С 1921 года – в госбезопасности. Помог заманить в ловушку эмигрировавшего из России злейшего врага советской власти Бориса Викторовича Савинкова. Удостоился ордена Красного Знамени. Из кабинета Пузицкого на пятом этаже здания на Лубянке Савинков выпрыгнул, когда решил, что на свободу ему никогда не выйти. Или был выброшен, когда решили от него избавиться. В 1935 году Пузицкому присвоили генеральское звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, а через два года арестовали и расстреляли.

Помогали Серебрянскому и Пузицкому в Париже сотрудники Особой группы Руперт Людвигович Эске (он же Иван Иванович Рачковский) и Андрей Николаевич Турыжников. Оба эмигранты, оба согласились работать на советскую власть. Обоих в годы большого террора расстреляют.

Техническую сторону операции – автомобили, оружие, полицейскую форму, хлороформ – обеспечили сотрудники парижской резидентуры внешней разведки. Они же организовали слежку за генералом Кутеповым, чтобы выяснить его привычки, а также тщательно изучили распорядок дня обитателей дома 26 по улице Русселе.

В каждой стране, где открывалось дипломатическое или торговое представительство Советской России, создавалась и резидентура разведки. Причем разведчики занимали офици-

альные должности в представительстве, но только главу миссии ставили в известность, кто из его подчиненных на самом деле резидент, то есть главный разведчик.

Резидент – важнейший пост в разведке. Это самостоятельная должность. Конечно, он держит связь с центром, получает указания, отчитывается за каждый шаг. Тем не менее многие решения резидент принимает на собственный страх и риск. Есть проблемы, которые ни с кем не обсудишь. Как правильно строить отношения с полпредом? Как поступить с оперативным работником, совершившим ошибку? Или с сотрудником, который потихоньку прикарманивал деньги, выделявшиеся на агента?

Резидентом в Париже был Захар Ильич Волович. Он служил в разведке с 1924 года. После похищения Кутепова его вернули в Москву начальником 1-го отделения Иностранного отдела. Захар Волович сделал карьеру, стал заместителем начальника оперативного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД, получил высокое специальное звание – старший майор госбезопасности. При очередной чистке ведомства на Лубянке был арестован и в 1939 году расстрелян.

Седьмой пункт

Скоро у Особой группы появилась задача – ликвидация невозвращенцев. Когда советские люди бежали из страны или оставались за границей, это воспринималось в Москве крайне болезненно, потому что подрывало веру в то, что нигде человеку не живется так счастливо, как в Советском Союзе.

Осенью 1929 года советник полпредства в Париже Григорий Беседовский попросил политического убежища у французов. Скандал!

Григорий Зиновьевич Беседовский – анархо-коммунист до революции, левый эсер в 1917-м, член украинской партии левых социалистов-революционеров (боротьбистов) в 1919-м, большевик с августа 1920 года. Выпускник сельскохозяйственного института в Харькове, он руководил губернским советом народного хозяйства в Полтаве.

В январе 1922 года его отправили на дипломатическую работу – консулом Советской Украины в Вену, в ноябре перевели в Варшаву. Хотели командировать в США, но американцы не дали визы. Послали советником в Токио, где он исполнял обязанности полпреда и торгпреда. В Наркомате иностранных дел отмечали: «Очень способный и хороший работник с большим кругозором, инициативой и знаниями». И в кадровом аппарате ЦК его очень ценили. Осенью 1927 года командировали в Париж первым советником.

Но он не поладил с полпредом Валерианом Савельевичем Довгалеvским и вторым советником полпредства Жаном Львовичем Аренсом. Коллеги писали на него доносы в Москву. Осенью 1929 года после отъезда полпреда Беседовский остался за хозяина. Именно в этот момент доносы возымели действие. 28 сентября 1929 года политбюро постановило: «Отозвать т. Беседовского согласно его просьбе из Франции и предложить ему в день получения шифровки выехать в Москву со всеми вещами и все дела немедленно сдать т. Аренсу».

Но Беседовский отказался передавать дела до возвращения полпреда Довгалеvского. Неподчинение приказу считалось невиданным и недопустимым делом. На следующий день ему отправили грозную шифротелеграмму:

«На предложение ЦК сдать дела и немедленно выехать в Москву от Вас до сих пор нет ответа. Сегодня получено сообщение, будто бы Вы угрожали скандалом полпредству, чему мы не можем поверить. Ваши недоразумения с работниками полпредства разберем в Москве. Довгалеvского ждать не следует. Сдайте дела Аренсу и немедленно выезжайте в Москву».

В Париж отправили разбираться старого большевика Бориса Анисимовича Ройзенмана, члена президиума Центральной контрольной комиссии и члена коллегии Наркомата рабочекрестьянского контроля. Он занимался загранкадрами. Его напутствовали:

«Дело в парижском полпредстве грозит большим скандалом. Необходимо добиться во что бы то ни стало немедленного выезда Беседовского в Москву для окончательного разрешения возникшего конфликта. Не следует запугивать Беседовского и [надлежит] проявить максимальный такт».

Ройзенман устроил Беседовскому разнос, обвинил в уклонении от партийной линии и потребовал, чтобы тот немедленно выехал в Москву. После в высшей степени неприятной беседы Григорий Зиновьевич обнаружил, что он уже взят под стражу. Фактический глава полпредства хотел выйти на улицу, но его не выпустили!

– Товарищ Беседовский, есть приказ не выпускать вас из посольства, – сообщил ему охранник. – Будьте добры возвратиться в свою комнату.

Тот взорвался:

– Как вы смеете говорить со мной таким тоном? Забыли, что я поверенный в делах!

Он сделал шаг к двери. Охранник выхватил из кармана револьвер:

– У меня есть приказ товарища Ройзенмана не выпускать вас из посольства. Я отвечаю головой. Предупреждаю, что, если вы сделаете еще одно движение, я вас застрелю.

Григорий Беседовский не стал рисковать. Он вышел в сад, перебросил пальто через стену полпредства, не очень высокую, подтянулся и перелез. Отправился прямо в полицию и попросил политического убежища. И помощи, чтобы забрать жену и сына. В восемь вечера вернулся с французскими полицейскими на улицу Гренель и забрал жену и десятилетнего сына Артура. Советским дипломатам ничего не осталось, кроме как их отпустить.

8 октября 1929 года московские «Известия» опубликовали заявление ТАСС с запоздалыми обвинениями в уголовщине:

«Бывший советник полпредства Беседовский, который в прошлом вел образ жизни далеко не по средствам, растратил значительную сумму денег, доверенную ему, и оказался не в состоянии отчитаться за нее.

Беседовский сделал попытку представить инцидент как политический, коим он в действительности не является, поскольку носит чисто уголовный характер. Надеюсь, что это отвлечет внимание от его действий, он стал распространять ложную версию, будто бы он и его семья подверглись в здании полпредства домашнему аресту и их жизнь находится в опасности. Полпредство заранее отвергает любые домыслы».

Газета «Известия» назвала Беседовского «пошлым развратником и вором», получившим во Франции трибуну для антисоветских измышлений. 8 января 1930 года на родине его заочно приговорили к десяти годам тюрьмы.

В эмиграции он стал заметной фигурой, со знанием дела рассказывая о том, что происходит в Советском Союзе. Поэтому Москва велела парижской резидентуре поручить одному из агентов следить за Григорием Беседовским:

«Иванову» не трудно будет не только ориентировать о работе группы Беседовского, но и быть полезным в смысле персональных подходов к кому-либо из лиц парижской эмиграции, прямо соприкасающихся с Беседовским и его группой. «Иванов» мог бы ориентировать вас о техническом персонале, работающем при Беседовском, «Иванова» следует использовать в качестве наводчика к работникам и связям Беседовского».

Но добраться до него не удалось.

5 февраля 1930 года политбюро приняло первое развернутое постановление о работе внешней разведки – Иностранного отдела ОГПУ. В особо секретном документе под названием «Задачи, стоящие перед ИНО ОГПУ» седьмым пунктом значилось: «Организация уничтожения предателей, перебежчиков и главарей белогвардейских террористических организаций».

Тут в Швеции разгорелся громкий скандал – политического убежища попросил советник полпредства Сергей Васильевич Дмитриевский, тоже заслуженный и доверенный работник.

С 1923 года он работал в Наркоминделе, сначала в торговом представительстве в Германии, потом его перевели первым секретарем полномочного представительства в Грецию. Отозвав в Москву, утвердили управляющим делами Наркомата иностранных дел. В 1927 году Сергей Дмитриевский прибыл в Стокгольм и стал вторым человеком в полпредстве.

Полпред в соседней Норвегии Александра Михайловна Коллонтай записала в дневнике:

«Обстановка в советских полпредствах всего мира и в нашей колонии в Осло тяжелая, полная возмущения, гнева и ненависти к предателям-невозвращенцам. Тяжело ударило по нашим советским учреждениям предательство Беседовского в Париже, но еще возмутительнее измена Дмитриевского в Стокгольме.

Советник нашего полпредства на виду у всех, о нем имелись лестные отзывы, у него «большие связи» среди шведской общественности, и этот негодяй не просто ушел, а умышленно шумно, со скандалом, с использованием шведской прессы. Может ли быть что-нибудь более позорное и преступное? Я вся дрожу, когда читаю газеты...»

Дрожала не она одна, поэтому в советской колонии в Норвегии тоже начинается охота за ведьмами. Все заграничники спешили продемонстрировать свою верность партии.

Коллонтай вспоминала:

«Рьянее всех взялся за разоблачения торгпред. Всех подозревает у себя же в торгпредстве, но и допекает меня доносами-подозрениями на моих же сотрудников:

– Вы ему верите? Вы это отрицаете? Вот увидите, что я прав, вы же поплатитесь за свое доверие.

Только что ушел торгпред, когда за ним является его заместитель вместе с экспортником, и оба полны догадок-подозрений насчет самого торгпреда:

– Это следующий кандидат в невозвращенцы.

В своем рвении и, кстати, сведениях личных счетов с торгпредом его зам и экспортник дошли до того, что ночью взломали стол торгпреда и сделали обыск его кабинета (без приказа). Ничего не нашли и теперь дрожат».

Вслед за советником полпредства Дмитриевским политического убежища попросил и военный атташе в Швеции Александр Александрович Соболев. Бывший царский офицер, он добровольно вступил в Красную армию, дослужился до должности начальника штаба Морских сил Каспийского моря. После Гражданской войны был назначен военно-морским атташе в Турцию, затем в Швецию... Когда Соболева отозвали в Москву, он предпочел не возвращаться.

Коллонтай:

«Срочная телеграмма из Москвы: политбюро назначило меня временным поверенным в делах в Швеции с оставлением меня на посту в Норвегии, выезжать немедленно...

Полпред в Швеции Виктор Леонтьевич Копп безнадежно болен и находится в больнице. Советника нет (Дмитриевский), остался только секретарь полпредства, но с ним МИД не считается как с не имеющим официальных полномочий».

Виктор Копп когда-то играл важную роль в налаживании отношений с Германией, он установил широчайшие связи с ведущими германскими политиками, военными и даже разведчиками. Но поссорился с влиятельными фигурами в Москве, в Наркомате внешней торговли, и после долгой склоки покинул Берлин. Потом два года проработал послом в Японии, а в 1927-м получил назначение в Стокгольм. Он заболел раком. Из Швеции его увезли на носилках. Ему было всего пятьдесят лет, когда он ушел из жизни.

Александра Михайловна перебралась в Швецию. Состояние местной советской колонии Коллонтай решительно не понравилось:

«Картина безотрадная: работники потеряли голову. Фактически полпредство бездействует... О землячестве (парторганизация) писать не хочу. Нехорошее, нездоровое впечатление. Это уже не склока личного свойства, какая бывала и в Осло, нет, это нечто худшее: растерянность и страх. Страх, как бы в Москве не поплатиться, что недоглядели невозвращенцев. Истерические настроения, женщины плачут и клянутся в верности советской власти».

Чекисты были расстроены: измена за изменой. В Стокгольм командировали оперативного работника с заданием ликвидировать если не ущерб, то по крайней мере самого перебежчика. Александра Михайловна была в ужасе, представляя себе, чем такая попытка может увенчаться.

25 апреля Коллонтай записала в дневнике:

«У нас совещание по делу Соболева с секретарем полпредства, тов. Ш., присланным из Гельсингфорса «со специальной миссией», и с секретарем Соболева, тов. Д.

Тов. Ш. живо заявляет:

– Я сумею извлечь Соболева из засады, доставлю в Союз живым или трупом.

Такая постановка вопроса мне совсем не нравится. Она противоречит директиве моего шефа, несерьезно это и чревато новыми осложнениями. Удалось установить, что Соболев вернулся на свою квартиру вместе с женой, но никого к себе не пускает.

– А я проникну к нему, – задорно заявляет тов. Д. – Если этот мерзавец нас не впустит, мы с вами, тов. Ш., подстережем его на улице, и, если уговоры не подействуют, у нас есть доводы и посерьезнее. Акт самообороны, так сказать. Нечего время терять, идем.

Я решительно воспрещаю обсуждать такие дикие выходки. Это значит лить воду на мельницу наших врагов.

– А если Соболев выдаст военные тайны? – говорит Ш. Но я его пристыдила. Он же знает, что военному атташе недоступны серьезные военные тайны».

Возникал очевидный вопрос: почему бегут советские дипломаты? В разных странах, бывало, дипломаты не соглашались с политикой собственного правительства, но они просто уходили в отставку. Советские же люди бежали с родины.

В ночь с 1 на 2 мая Коллонтай записала в дневнике:

«Меня заботят случаи бесшумного невозвращенчества более мелких, менее ответственных работников наших советских учреждений. А такие измены имели место и в Берлине, и в Лондоне, и в Париже.

Почему безупречный Соболев (так его аттестует начальство) стал невозвращенцем? Почему Ш. в Берлине отказался ехать на родину? Почему жена Г. (служащего в «Нафта») говорила мне дрожащим голосом, что «она боится, не отзовут ли ее мужа». «Бояться» вместо того, чтобы радоваться возможности возвращения на родину. Это ненормально. Тут надо поискать причину, чтобы ее пресечь, чтобы центр принял меры...

Первой и главной причиной невозвращенчества я считаю существование оппозиции».

Но бежали вовсе не оппозиционеры, а прошедшие проверку надежные большевики! Только за один год, с осени 1928 по осень 1929 года, семьдесят два сотрудника загранаппарата отказались вернуться в Советский Союз.

В 1929 году неприятная для власти ситуация обсуждалась на заседании политбюро. «О беспорядках, выявленных в советских загранпредставительствах» доложил Борис Анисимович Ройзенман, которому президиум Центральной контрольной комиссии и коллегия Наркомата рабоче-крестьянского контроля поручили проверить работу загранучреждений. У него был собственный неудачный опыт – с Беседовским.

Отбор стал еще более жестким – за границу не пускали тех, у кого обнаруживались родственники за границей, «непролетарское происхождение» или отклонения от партийной линии. Еще в конце 1923 года секретная экзаменационно-проверочная комиссия ЦК провела массовую чистку Наркомата иностранных дел, убирая всех «неблагонадежных». Комиссия рекомендовала ЦК ввести в штат загранучреждений сотрудников госбезопасности для «внутреннего наблюдения» за дипломатами и их семьями. Такая практика существует и по сей день.

Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин тяжело переносил кампании, которые периодически проводились партийным аппаратом: сокращения и чистки, которые лишали его ценных работников:

«Я писал т. Сталину, что прошу на моей могиле написать: «Здесь лежит Чичерин, жертва сокращений и чисток». Чистка означает удаление хороших работников и замену их никуда не годными».

Сотрудники полпредств старались публично хаять страну пребывания и вообще загранничную жизнь. Знали, что среди слушателей обязательно окажется секретный сотрудник госбезопасности, который бдительно следит за моральным состоянием аппарата полпредства. Если советскому дипломату нравилась буржуазная действительность и он не умел это скрыть, его быстренько возвращали на родину. А очень многим хотелось поработать за рубежом – дома было голодно, скудно и опасно.

Когда-то молодая революционерка Коллонтай, направлявшаяся на пароходе в Америку, чтобы агитировать американцев за социализм, гневно писала:

«Ненавижу этих сытых, праздных, самовлюбленных пассажиров первого класса! Таких чужих по духу! Ненавижу эту бестолковую, праздную жизнь, убивание времени на еду, пустую болтовню, какие-то маскарады, концерты».

Прошли годы, и Александра Михайловна – после скудной советской жизни – откровенно наслаждалась комфортом на шведском пароходе «Биргер Ярл»:

«Завтрак был чудесный. Длинный, во всю столовую каюту стол, уставленный закусками. Целые пирамиды аппетитного финского масла с соленой слезой, рядом пирамиды разных сортов шведского хлеба, селедки во всяких приправах, блюда горячего отварного картофеля, покрытого салфеткой, чтобы не остыл, копченая оленина, соленая ярко-красная лососина, окорок копченый и окорок отварной с горошком, тонкие ломтики холодного ростбифа, а рядом сковорода с горячими круглыми биточками, креветки, таких крупных нет и в Нормандии, блюда с холодными рябчиками, паштеты из дичи, целая шеренга сыров на всякие вкусы, к ним галеты и на стеклянной подставке шарики замороженного сливочного масла.

И за все эти яства единая цена за завтрак, ешь, сколько хочешь. Если блюда на столе опустеют, их пополняют. Таков обычай в Швеции. Я набрала себе тарелку по вкусу и, сев за отдельный столик, заказала полбутылки легкого финского пива».

Норвежский пограничник, увидев ее, спросил:

– Вы мадам Коллонтай? Добро пожаловать к нам.

Малоприятные новости из Советского Союза, конечно, доходят и до полпредства, но дурные вести Коллонтай гонит от себя, списывает на уныние и малодушие своих старых подруг:

«Дома трудная полоса, недород сказывается – еще не овладели новыми формами хозяйства. Партия работает, шлет по деревням хороших работников, но есть перегибы. В Ленинграде и Москве (даже в столицах!) голодно. Мои приятельницы из Ленинграда, друзья моей юности, до сих пор не вжились в новые условия. Письма от них, от сестры моей Адели полны жалоб и просьб выслать шведские кроны на Торгсин».

Торгсин – это Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами, где принимали как валюту, так и золотые кольца, коронки, крестики, браслеты. Советская финансовая система разрушилась. Продовольствие выдавали по карточкам. Магазины опустели. Продукты остались только в закрытых распределителях или в магазинах Торгсина, как и описано в знаменитом романе Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита». Отныне особо заманчивой стала работа не там, где интересно, и даже не там, где хорошо платят, а там, где есть хороший распределитель – для других закрытый.

Приехавший из Москвы гость рассказал о том, как в процессе коллективизации выселяли в Сибирь кулаков: «Подлое вышло дело, просто смертоубийство. Везли в товарных вагонах, навалили в них народ, как баранов, – детей, стариков, больных и калек. Мороз такой, что младенцы у груди матери замерзали. Сколько за дорогу трупиков ребят из вагонов прямо в снежные сугробы выкидывали». Коллонтай записала в дневнике: «Гость уехал, а я после его рассказов не сплю по ночам, все мне мерещатся матери с замерзающими младенцами и другие ужасы».

Понимала, конечно, как ее жизнь отличается от жизни ее друзей, оставшихся дома. «У меня обедал Прютц (норвежский дипломат. – *Авт.*), – писала Александра Михайловна. – Приехал он не один, а с очень молоденькой женой. Приехал он неожиданно к самому обеду. Обед был тонкий и легкий: крем д'орже, рябчики, хороший французский сыр, вино «шабли-мутон». Икры не было в доме. Но обед оказался во вкусе Прютца».

7 мая 1930 года Коллонтай пометила в дневнике:

«Были и такие шведы, которые, услышав мое имя, тревожно спрашивали:

– А что вы сделали с Дмитриевским и Соболевым? Живы ли они еще?

Это в связи с постановлением советского правительства о двадцати четырех часах срока для возвращения в Союз, иначе невозвращенцы объявляются «вне закона»...

Самое главное, что я тут сделала для нашего престижа, – это удержала необузданные планы «горячих голов». Они выдумывали новые планы, как бы выкрасть Соболева, и уже начали действовать за моей спиной. Шаг – и мы в руках провокаторов. Но после приказа Литвинова подчиняться целиком полпреду Ш. быстро уехал».

Ликвидация невозвращенцев началась несколько позже, и эти операции не были достаточно успешны.

А в Стокгольм прислали комиссию из Москвы. К Коллонтай, поскольку она была новенькой, у проверяльщиков претензий не было. Она перенесла присутствие гостей хладнокровно.

18 июня записала в дневнике:

«Комиссия по чистке полпредских и других советских аппаратов за границей уехала. Здесь прошло очень просто и быстро. Две недели заседали, но зато результаты справедливые и нужные. Я осталась удовлетворена, отстояла тех, на кого клеветали зря, и добилась снятия действительно морально вредной публики. Многие уже уехали...»

Сама перед собой поставила задачу:

«Учтя опыты пережитого нами в связи с невозвращенцами, полпред, естественно, должен с особой бдительностью следить за личным составом служащих и за их семьями. Надо поднять политико-просветительскую работу, надо изучить людей».

И не знаешь – всерьез она это написала или на тот случай, если дневник окажется в чужих руках? Александра Михайловна Коллонтай никогда не упускала из виду такой возможности. Предосторожности оказались нелишними – так в конце концов и произойдет много позже...

«Шуму наделали, а мост не взорвали»

7 июля 1932 года советник японского посольства в Москве передал в Наркомат иностранных дел СССР ноту, в которой говорилось, что арестованный японскими властями кореец Ли признался: он и еще трое корейцев были завербованы Владивостокским ГПУ, их снабдили взрывчаткой и отправили в Японию с заданием взорвать ряд мостов.

В Москве устроили проверку. Запросили Владивосток. Находившийся там руководитель полномочного представительства по Дальневосточному краю Объединенного государственного политического управления известный чекист Терентий Дмитриевич Дерибас самокритично признал, что организованная им операция не удалась: «шуму наделали, а мост не взорвали». Агентов-взрывников поймали, и они во всем признались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.